

## С.Б.РУДАКОВ СТИХОТВОРЕНИЯ

*Публикация И.Г.Кравцовой*

Ко времени приезда в Воронеж Рудаков был автором около 400 стихотворений — эту цифру он называет в одном из первых писем жене из Воронежа. Эти стихотворения в его архиве не сохранились; не исключено, что они были уничтожены автором в более поздние годы. Лишь одно из них — «Выйдя из комнаты, можно представить...» (1933) — сохранилось в тексте эссе «Город Калинин». Юношеские стихи Рудакова дошли до нас в сборнике «Спектр» (см. вступительную статью). Семнадцать стихотворений 1942—1943 гг. были включены автором в эссе «Город Калинин».

В настоящую публикацию вошли стихотворения С.Б.Рудакова из семейного архива, хранящегося у его дочери, М.С.Рудаковой. Источники текста, в основном, — автографы в записной книжке Рудакова; стихотворений «Раскрутился змеистый снежок», «И вот теперь, в часы уединенья...», «Мне опять готовиться в дорогу...», «Из цикла "Фауст"» — отдельные автографы; «Отпусти. Нет сил тебе молиться...» и «31 августа» — письмо к Л.С.Финкельштейн от 1 сентября 1942 г. Стихотворений, написанных в лубянской тюрьме («Хочу понять основу всех основ...», «Кончилось следствие. Сколько пустой чепухи...»), — копии Л.С.Финкельштейн. «Преимущество тех, кто остался в живых...», «А зелень здесь, будто на даче...» — машинопись. Основной нашей задачей было представить стихи 1935—1936 гг., времени встреч с Мандельштамом в Воронеже, и выявленные нами стихи этих лет включены в подборку полностью. Помимо них, одно входит в текст «Города Калинина» («Знакомые писательской толпой...», 1935, в письмах к жене из Воронежа Рудаков называет его «Вагинову»), одно — «Чучела лисья — детский кошмар...» содержится в письме к жене от 9 февраля 1936 г. Из другого письма, от 27 мая 1935 г., в подборку включена ранняя редакция стихотворения «Железная дорога...». Стихотворения последующих лет включены нами в подборку выборочно. Около десятка стихотворений Рудакова хранились у Н.Е.Штемпель, которая в послевоенные годы отдала их Н.Я.Мандельштам: «Он (Рудаков. — *Ред.*) не был навязчив со своими стихами, читал их редко, может быть, чувствовал мое равнодушие к ним. Не видно было, что обижается. (...) Перед отъездом переписал для меня штук десять своих стихотворений. Очень жалею, что отдала их Н.Я. Было бы интересно теперь их прочитать» (Штемпель Н. Письмо к В.Н.Гыдову от 18 авг. 1987 г. // *Штемпель*. С. 110). Местонахождение упомянутых стихотворений в настоящее время неизвестно.

\*\*\*

Почтовый и лагерный строй.  
Без почвы построена крепость.  
Случайностей лепится рой —  
Решенная крепко нелепость.

События первого дня  
Ты первую памятью тронешь  
И видишь: ветрами меня  
Встречает морозный Воронеж.

*Март—апрель 1935*

\*\*\*

Громкоговоритель, чище вытани  
Песню, посланную небом в рестораны.  
Дребезжат тарелки и стаканы...  
О Кольцове, о Никитине  
В сквере повествуют истуканы.<sup>1</sup>

Согласие с судьбой равно победе.  
Знай обо мне, о дорогая, скоро  
Мы входим в бытовые разговоры,  
Знакомыми становятся соседи,  
Привычными — кирпичные заборы.

*Апрель 1935*

\*\*\*

Петровский сквер открыт семи ветрам.  
Его проспект линейно оmyвает.  
Ступивший за ограду — там  
В стеснительной нирване пребывает.

Деревьев мало. Сад не так велик,  
Чтоб находить в нем смену впечатлений,  
К заречью склон. Беспомощен родник.  
Но солнце там высокое, без теней.

Чиновный дар ваятельной науки  
Стоит, о щедрости уездной говоря,  
И неумеренно — к подножию и в руки —  
Даны Петру морские якоря.<sup>2</sup>

*Апрель 1935*

\*\*\*

Травой живущая среди кустов тропинка,  
Над нею голубые облака.  
Подробность мира — круглого жука  
Зелено-лиловеющая спинка.

Из детской книги белая картинка:  
Учебный профиль мертвого цветка...  
Оберегающая нас рука  
Лучей расплавленного летом цинка.

Не холодит изменчивая тень.  
В глаза глядит июньский долгий день.  
Просторы воздуха жарою разогреты.

Не найденные в сосняке грибы,  
Не найденные, как во сне, судьбы  
До послезавтра спрятаны ответы.

*Июнь—июль 1935*

\*\*\*

Железная дорога<sup>3</sup>  
За узеньким окном.  
Отпущеннику строго  
Заказано — порога  
Не преступать тайком.

Бессонница хранима  
Ревниво, без труда...  
Заснешь — проходят мимо  
Соседа-караима  
Седая борода

И на прогулке тени  
На каменном дворе  
В завистливом терпении,  
В восьмом часу — в смиреньи  
На мартовской заре.

От лампы желтой колкой  
Хоть глаз не открывать<sup>4</sup> —  
И станет ненадолго  
Вагона жесткой полкой  
Железная кровать.

\*\*\*

Ничего не скажешь милому соседу,<sup>5</sup>  
Ничего не скажешь — промолчишь.  
Ведь сосед — не милый: я с тобой не еду,  
Обо мне дорогою грустишь.  
Вот начало ночи. Про разлуку злую  
Радио концерт передает.  
Я тебя — ты слышишь, милая? — целую,  
Голос о любви твоей поет.  
А на небе черном, возле звезд синяя,  
Птиц ночных повторны голоса.  
Нам они стозвучны — гимны Гименея,  
Озаряя наши небеса.  
Авиаполеты совершая ночью,  
Тайно наклоняясь до крыш,  
АНТы-самолеты<sup>6</sup> — слышим мы воочью —  
Нарушают неземную тишь.  
Ветер пробегает воздуха просторы,  
Листья сами льнут к его волне.  
Мы с тобой проводим звездные дозоры,  
Веруя полуночной луне.

*Июль 1935*

\*\*\*

Как хорошо бродить среди людей  
И наблюдать за ветерком, проплывшим  
По лепесткам сентябрьских ветвей,  
Природный срок еще не пережившим.  
В ночной толпе движенья ровный ход,  
Журчанию подобный, — это повод  
Жужжания подобный говор  
Сравнить толпу с потоком мелких вод.  
Как хорошо внимать на расстояньи  
Осенней музыке, играемой в садах, —  
Людей безоблачных пустое развлеканье,  
Несомое в звучащих облаках.  
В толпе движенья ровный ход,  
Плывущих лиц живая перемена —  
Немыслимый ночной круговорот  
И светлых платьев вянущая пена.

*Август 1935*

\*\*\*

От холмов уйдя в отроги,  
Разбегаются поля.  
Бродят клены-недотроги —  
Это купы, это кроны  
Темнокудрого Кремля,  
Это Миргород зеленый, —  
Полногрудая земля.  
А дорогой по дороге  
Выступают тополя.

*Октябрь 1935*

\*\*\*

От мороза до мороза —  
С половины марта до зимы  
Сохраняется каприз наркоза.  
Вне движенья сохранились мы.

И теперь приветствуем беду:  
Павильоны летние пусты,  
Да на столик шахматный в саду  
Планомерно падают листья.

*Октябрь 1935. Воронеж.*

## I

Подобна голосу дьячка,  
Ведущему святую пряжу,  
Растрату времени, покражу  
Оплакивает трель сверчка.

Сверлит, протачивает щели,  
Казенный разрушает дом,  
В котором временно живем  
По воле чумной канители.

Звенит подобием волчка,  
Чертит невидимые круги —  
Бесчеловечные досуги,  
Непрошенные мной услуги  
Инфекционного сверчка.

## II

И вот — чем дальше, тем яснее,  
И вот — чем дальше, тем видней

Неправедная повесть дней.  
Не знаю, что мне делать с нею.  
Пространства небогатый клад:  
Тепло больничных коридоров,  
Тюремно-медицинский норов  
Свежеокрашенных палат.  
Миришь, мой ангел, рад-не рад,  
Без возражений, разговоров.

### III

Устав больничного гарема  
Не до конца преобразен —  
Неопытная теорема  
Благих, трудолюбивых жен.  
Декабрь, оттаявший, нетвердый,  
Утрами синий полусвет.  
Индустриальные рекорды,  
Столбцы стахановских газет...  
Скарлатинозная палата —  
Белоголовый детский сад —  
Сорокадневная расплата,  
Живой сорокадневный ад...  
И взоры, никнувшие долу,  
Ресницы, устремленны ниц.  
Хвала прекраснейшему полу  
От сумароковских страниц.

*Декабрь 1935*

*Плехановская больница. Воронеж.*

### Вариант

В ночи блужданье светлячка,  
Несущего слепой фонарик.  
Ступеньки арии сверчка  
Ступенчатых круженье арий.  
Обещанного ждут  
Три года...  
Как исключенье —  
Месяц или два.  
Быть может,  
Приближенье срока  
Младенческий, безвинный  
Новый год.

*Январь 1936. Воронеж.*

\*\*\*

Она святого Иордана  
Полдневный зной, безводный луг,  
Веселости, любви, обмана  
Неиссякаемый досуг.  
Она долина Хараара<sup>7</sup>,  
Непокоренная пока, —  
Веселости, любви, пожара  
Глубоководная река.  
*Январь 1936. Воронеж.*

\*\*\*

А когда по широкому Дону  
Ледяная вода поплывет —  
Дездемону, мою Дездемону  
Золотая весна принесет.  
И земля непросохшая траву  
Возвратит бирюзовую нам —  
Ослепительную отраву  
О любви говорящим губам.  
*Март-апрель 1936. Воронеж.*

\*\*\*

Живя самоконтролем бдительным,  
Нежна, румяна и бела —  
Она мила, и утвердительно  
О том свидетельствуют зеркала.  
*Апрель 1936. Воронеж.*

### Баллада

В силу удельного веса,  
Меньшего веса воды,  
Вдоль затонувшего леса  
Плыли весенние льды.  
Доски забора намокли,  
Подмыт половодьем сарай.  
Над гатью заречной не молкнет  
Галок полуночный грай.  
Галки не молкнут, а кроме  
Не молкнут огни фонарей.

На приземленном пароме  
Смена плывущих теней.

Посылка

Галок полночных рулады  
Слушать воде довелось.  
Истоки неточной баллады —  
Дождинки на ветках берез.

*Апрель—май 1936.*

*Воронеж. Ленинград 1938.*

\*\*\*

Высокий, плотный гражданин,  
Надев колесные очки,  
Идет проспектом не один:  
Ведет с собою каблучки.

Она идет, идет сама.

Она его уводит прочь.

Как неустойчива зима —

Страдает оттепелью ночь.

*Декабрь 1936. Л(енинград)*

\*\*\*

Для нежитейского волненья,  
Для некорысти, для небитв, —  
Мы рождены для утвержденья  
И звуков сладких и молитв.

*Январь 1937. Л(енинград)*

\*\*\*

Я проездом на беду  
Посетил звериную столицу,  
Т.е. я гулял большом саду,  
Я рассматривал животных лица.

А теперь мартышка на трубе  
Удочкою ловит дым багровый,  
На боярских на воротах, на гербе  
Бык и окунь волокут оковы.

Расплескалась чистая криница,  
Хмара непутевая нависла;



На селе известная синица  
По воду шагает с коромыслом.

Дятлы ветви тополя качают,  
Раскачали и качают снова,  
И глаза в листе не различают  
Памятник чугунного Крылова.

*Июль 1937.*

*Бобрицы*

\*\*\*

*О.М.*

Раскрутился змеистый снежок.<sup>8</sup>  
Путь заказан Владимиру чинный.  
С двери отнят засов. Пóслух<sup>9</sup> свечи возжёт  
Чистой Матери Десятинной.<sup>10</sup>

Ночь стоит. По морозу полозья скрипят.  
Кони глазом косят озверело:  
О дощатые стены домовья<sup>11</sup> не в лад  
Ударяется мерзлое тело.

*(1939 ?)*

\*\*\*

И вот теперь — в часы уединенья  
В присутствии недремлющих чудес,  
Когда вы слышите своих сердец биенье, —  
На воды, нежный луг, дворцы и лес  
Защитую от злого разрушенья,  
Друзья, зовите благодать небес;  
Чтоб вечность саду дивному дала,  
Молите нимфу Царского Села.

Подражание Ариосту на материале Царского Села с использованием работы Пушкина и Катенина, с учетом собственного лирического опыта.

*4. VIII. 40*

\*\*\*

Преимущество тех, кто остались в живых,  
Только в том, что за ними права  
О друзьях, о соперниках бывших своих  
Произнести приговора слова;

Преимущество в том, что не страшен ответ,  
Не уколёт насмешливый взор,  
Потому что такого и взора-то нет,  
Да немислим и сам разговор.

В этом тихая скука и нудная боль,  
Это зло, это холод и мрак...  
Ни чужих поцелуев, ни чужого «позволь»  
Не воротишь оттуда никак.

И тогда начинаешь смешное — любить,  
Начинаешь дурное — жалеть,  
Потому что тому, неживому — не быть,  
То есть с нами не жить, не стареть.

Удивленья достойны и скупость людей,  
И упрямство божественных жен.  
Хороводу сентябрьских солнечных дней  
Срок ничтожнейший положен.

8—10. IX. 42

\*\*\*

Отпусти. Нет сил тебе молиться,  
А любить ко мне ты не придешь.  
Древняя твоя столица  
Спит еще. Над ней рассвет хорош.

Именно — хорош холодным светом,  
Безразличным солнечным теплом...  
В мире, брошенном поэтом,  
Перекатывает поздний гром.

В этой зеленеющей пустыне  
Всё зовется именем твоим.  
Для чего — от века и поныне  
Я такую мукою томим?

Для чего свою узнал потерю,  
Если усыпленную душой  
Я ни утра, ни себе не верю,  
Что ты ночью не была со мной?

«31 августа»

Как судьбу косматую отрину,  
Огоньки сгоню с болот.  
Год назад я потерял Марину  
И не знал об этом целый год.

Происшедшее теперь яснее,  
Объяснимей лютой смысл утрат:  
Сам того не зная — с нею  
Я утратил милый Ленинград.  
И когда, с высот склоняясь, в очи  
Смотрят звезды бархатных очей,  
Я утратил средь кромешной ночи  
Зной и негу киевских ночей.  
И еще — спасите, люди, люди! —  
Боль и холод каменных сердец —  
Залпы собственных орудий  
Царскосельский ранили дворец.  
Новое свершается крещенье  
Той неравной танковой войны.  
А в тебе и слезы, и прощенье,  
Нежная, погибшая за ны...

\*\*\*

Э. Г.<sup>12</sup>

То кладбище Марьиной Рощи,  
Где нынче Всеобуча пункт,  
Имеет разрыхленный грунт,  
В нем влажные, тленные мощи.

А зелень здесь, будто на даче.  
По пояс учебный окоп  
Копает боец. Но задаче  
Мешает откопанный гроб.

Бежать мне от смерти куда?  
По совести — больше не надо:  
Вперед, на большие года  
Довольно смертей Ленинграда.

Меня-то какие причины  
От смерти спасали в бою?  
В Москве я. О смерти Марины  
За чаем от вас узнаю.

Вот — о совпаденьях рассказ.  
Что в жизни случайностей проще:  
Ее — я услышал от вас —  
Вы видели в Марьиной Роще.

*Июль—сентябрь 1942.  
Марьиная Роща.*

## 1

Хочу понять основу всех основ —  
 Понять себя и собственную совесть.  
 Что значит толкователь снов  
 Тюремных дней раскрывшаяся повесть.  
 29. VIII. 43

## 2

Мне дана (начну сначала,  
 С пребывания в одиночке, не спеша)  
 Кружка с кошкой, чтобы не скучала  
 Без людей томящаясь душа.

## 3

Одиночка — значит — не шали:  
 Люди сгнули, в пространство канув;  
 Функцию соседей обрели  
 Двое суетливых тараканов.

## 4

Прошлого зияющая рана,  
 Правосудья тяжкого весы...  
 Из-под табурета таракана  
 Выставились черные усы.  
 Суток нет: не поздно и не рано —  
 Нет часов — отсутствуют часы.

## 5

Но зато присутствует пространство —  
 Времени ревнивый враг.  
 Одиночка — символ постоянства  
 Площадью в один квадратный шаг.

## 6

Вот одна из тюремных основ —  
 Эта смена постов караула:  
 Через каждую пару часов  
 Нарастание адского гула.  
 Павел Первый, российская Мальта:  
 Не жалея подметок, печатают так,  
 Что как гром этот гатчинский шаг  
 Отражается на асфальте.

Из цикла «1 сентября»

На Лубянке с месяц я уже  
И сижу без Ваших писем, Кити,  
Вы из камер, что на третьем этаже,  
В сорок третью напишите.  
Но не даст мне почтальон московский  
Даже на конвертик Ваш взглянуть,  
Предлагал же в песне Исаковский  
Написать куда-нибудь.

\*\*\*

Кончилось следствие. Сколько пустой чепухи.  
И как неважно строчит пресловутая эта машина.  
Здесь не имели успеха стихи  
И незнакомкой уходит со мною Марина.  
Глупый законник, окончив последний допрос,  
Принял вполне дружелюбную позу:  
— Что вам стихи, — наставительно он произнес, —  
Лучше на воле примитесь за прозу.

*Август 1943*

Из цикла «Фауст II»

Есть в Ленинграде старинный, осанистый дом —  
Против Стремянной, на улице ныне Марата,  
Жил здесь Радищев и в нем  
Книгу свою отпечатал когда-то.  
«Путешествие из Петербурга в Москву» —  
Урна целебного яда.  
Я дописал к нему двадцать шестую главу,  
Где рассказал, что такое зима и блокада.<sup>13</sup>  
Ваши труды, Александр Николаич, увы,  
Видно, имеют дурную изнанку:  
Так — с кнутобойцем Шешковским<sup>14</sup> спозналися Вы,  
Я угодил на Лубянку,

\*\*\*

Мне опять готовиться в дорогу  
В те края, где выстрелы и снег.  
Стало быть, воинственному богу  
Нужен беспокойный человек.

Белую, ямщицкую равнину  
Песней наполняет ветерок:  
— Я не скоро этот мир покину,  
Мне еще не выпал срок.

На снегу не красною, а черной  
Кажется пролившаяся кровь.  
Никогда веселой и покорной  
Для любимой не была любовь.

Сколько по сугробам ни броди,  
Стежка оборвется где-нибудь,  
Доброй памятью меня прости,  
Сердцем ласковым — не позабудь.

4—6. XI. 43

<sup>1</sup> Речь идет о памятниках поэтам А.В.Кольцову (1868) и И.С.Никитину (1911), установленных в Воронеже.

<sup>2</sup> Речь идет о памятнике Петру I в Воронеже (см. письмо от 9 апреля 1935 г.).

<sup>3</sup> Из письма Рудакова к жене от 27 мая 1935 г. Первоначальная редакция стихотворения «Караим» («Железная дорога»). В дальнейшем Рудаков переработал строфу 2 (см. письмо от 4 июня 1935 г.).

<sup>4</sup> Так в автографе.

<sup>5</sup> Первоначальная редакция — в письме Рудакова от 6 августа 1935 г.

<sup>6</sup> Марка самолетов конструкции А.Н.Туполева.

<sup>7</sup> Так в автографе; возможно, Рудаков хотел назвать Ханаан — «землю обетованную» Ветхого Завета, абберрация могла быть вызвана упоминанием города Харрара (в Эфиопии) из стихотворения Гумилева «Галла».

<sup>8</sup> Стихотворение является аллюзией на «Поучение Владимира Мономаха». Реми-нисценция из него имеется, по свидетельству Н.Я.Мандельштам, также в стихотворении Мандельштама «Когда в ветвях понурых...» (см.: *Воспоминания*. С. 194), а именно: «В санях сидючи». Значение этого выражения основывается на обрядовой стороне древнерусских похорон — в санях; именно это обстоятельство подразумевается, по-видимому, у Рудакова.

<sup>9</sup> Послушник.

<sup>10</sup> Имеется в виду Десятинная церковь в Киеве, служившая княжеской усыпальницей.

<sup>11</sup> Гроб.

<sup>12</sup> Посвящено Э.Г.Герштейн.

<sup>13</sup> Подразумевается эссе «Город Калинин».

<sup>14</sup> Шешковский Степан Иванович (1720—1794) — в 1757—1762 гг. был секретарем Тайной канцелярии, осуществлявшей, в частности, дознание по делу Радищева.